

Об измерении качества экономического роста

Геннадий Оразович Куранов

Министерство экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия

По мере исчерпания экстенсивных факторов качество экономического роста становится важнейшим критерием и условием дальнейшего развития экономики России и социального прогресса. Многоплановость и многоаспектность качества роста предполагают необходимость его рассмотрения с разных позиций: и как результат целевого направления развития, и как условие для текущего и будущего прогресса. При этом отдельные характеристики, включаемые в расширенное понятие качества роста как важного условия устойчивого развития, являются конкурирующими, например инклюзивность развития и динамика роста.

В настоящем исследовании раскрываются характеристики качества экономического роста, отвечающие преимущественно макроэкономическому его пониманию: устойчивость, эффективность, гибкость, прогрессивность, социальная направленность, снижение дифференциации. Автором проанализированы индикаторы, основанные на этих характеристиках, и факторы, направленные на реализацию этих социально-экономических задач. Рассматривается, как складывались эти характеристики на отдельных этапах развития экономики. На основе статистических расчетов делается вывод о замедлении темпов повышения качества роста в период после кризиса 2009 г. в отличие от предыдущего десятилетия. Обосновываются факторы экономического роста и повышения его качества в среднесрочной перспективе, а также возможности совмещения требований инклюзивного роста и ускорения экономического развития.

Ключевые слова: качество экономического роста, экономическая динамика, инклюзивный рост, макроэкономическая статистика, экономические индикаторы, валовой внутренний продукт (ВВП), потенциальный ВВП, устойчивость, эффективность, гибкость, циклы, инвестиции, факторы, инновации, доходы населения, экономические кризисы.

JEL: B41, E23, E32, N22, N64.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-7-5-19>.

Для цитирования: Куранов Г.О. Об измерении качества экономического роста. Вопросы статистики. 2019;26(7):5-19.

Measuring the Quality of Economic Growth

Gennadii O. Kuranov

Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

With the exhaustion of extensive factors, the quality of economic growth becomes the most important criterion and a condition for the consistent furthering economic development and social progress in Russia. The diversity and multidimensional nature of the quality of growth implies the need to consider it from different perspectives: both as a result of a target development directions and as a prerequisite for current and future progress. At the same time, individual characteristics, included in the expanded concept of quality of growth as an essential element of sustainable development, are competitive, for example, inclusive development and growth dynamics.

This study addresses characteristics of the quality of economic growth, mainly from its macroeconomic perspective: stability, efficiency, flexibility, progressiveness, social orientation, reducing differentiation. The author analyzed those characteristic-based indicators, and factors aimed at achieving those socio-economic goals. It is considered how these characteristics evolved at individual stages of economic development. Based on statistical calculations, it is concluded that there has been a slowdown in the quality of growth since the 2009 crisis, in contrast to the previous decade. The author indicates the factors of economic growth and improvement of its quality in the medium term, as well as the possibility of combining the requirements of inclusive growth and accelerating economic development.

Keywords: quality of economic growth, economic dynamics, inclusive growth, macroeconomic statistics, economic indicators, gross domestic product (GDP), potential GDP, sustainability, efficiency, flexibility, cycles, investments, factors, innovations, income of population, economic crises.

JEL: B41, E23, E32, N22, N64.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-7-5-19>.

For citation: Kuranov G.O. Measuring the Quality of Economic Growth. *Voprosy Statistiki*. 2019;26(7):5-19. (In Russ.)

Общие вопросы понимания качества роста. По мере исчерпания экстенсивных факторов экономического роста качество роста становится важнейшим критерием и условием дальнейшего развития экономики России и социального прогресса.

Качество роста - многоаспектное понятие. Оно рассматривается одновременно и как результат целевого направления развития, и как условие для текущего и будущего прогресса. Такая многоплановость и многоаспектность понятия приводит к значительным трудностям в его определении и измерении. Следует признать, что как основное системное понятие качество экономического роста до конца не формализуемо.

Качество экономического роста в макроэкономическом определении отражает способность экономики к устойчивому экономическому и социальному развитию, независимому от колебаний внешнеэкономической конъюнктуры, при повышающейся эффективности факторов, восприимчивости мировых тенденций технологического развития и гибком реагировании на внешние и внутренние импульсы.

Расширительное понимание экономического роста, как экономического развития, должно включать в себя социальные, территориальные (региональные) и экологические аспекты развития, в том числе проблему инклюзивного развития (инклюзивное, «включающее», понимается как развитие, распространяющее свои результаты на все группы населения, регионы и социально-экономические единицы, в противоположность эксклюзивному развитию, затрагивающему преимущественно отдельные социально-экономические единицы).

В расширительном понимании качества роста исследователи ориентируются на современные подходы к устойчивому развитию, выраженные в «Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой ООН в сентябре 2015 г. Она содержит ряд целей, направленных на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия для всех [1]. Каждая из 17 целей включает ряд показателей, которые должны быть достигнуты в течение 15 лет (17 целей устойчивого развития (ЦУР) с их 169 задачами и 230 индикаторами). В число целей устойчивого развития включены: экономический рост, внедрение инноваций, развитие инфраструктуры, ликвидация нищеты, улучшение

здоровья, повышение уровня образования, сокращение неравенства, обеспечение доступа к чистой воде, использование возобновляемых источников энергии, сохранение экосистемы. Россия присоединилась к этой программе, и Росстат разрабатывает систему показателей ЦУР с учетом особенностей страны.

Инициативу систематизации и количественной оценки инклюзивного роста взял на себя Всемирный экономический форум, который в докладе «Инклюзивный рост и развитие» в 2017 г. представил количественный показатель - Inclusive Development Index (IDI), методику его расчета, необходимые данные и результаты оценки IDI по группам стран [2]. В 2018 г. по этой же методике был представлен второй доклад [3].

В рейтинге доклада за 2017 г. Россия заняла 13-е место среди 78 развивающихся стран, в рейтинге 2018 г. - 19-е место, хотя по уровню образования населения она занимает более высокое 9-е место.

В докладе среди ряда характеристик России отмечается, что в первое десятилетие XXI века доходы у 40% наименее обеспеченных россиян росли быстрее, чем у остальных, но улучшение инвестиционного климата, диверсификация экономики и решение инфраструктурных проблем замедлились в последние годы, что сокращает возможности для развития в будущем. При этом темпы экономического роста существенно опережают сокращение неравенства. Несмотря на низкий государственный долг, Россия активно сокращает свои природные ресурсы и не снижает энергоёмкость. В целом интегральный индекс России стабилен.

Вопросам инклюзивного роста посвящен также ряд докладов международных организаций, в том числе МВФ [4] и ОЭСР [5].

Вместе с тем вопрос о построении единой непротиворечивой системы характеристик и индикаторов качества экономического роста в силу его многоаспектности остается открытым. Можно показать, что в сложной системе отдельные характеристики, включаемые в понятие качества роста, являются конкурирующими, например инклюзивность развития и динамика роста. Поэтому выбор и балансировка приоритетов в сложной системе являются непустой методологической задачей, предполагающей некоторый консенсус в ранжировании основных аспектов и характеристик. Более того, по мере развертывания работ

по инклюзивному развитию категория качества развития в его инклюзивном понимании приобретает идеологическое содержание и поэтому, как всякая идеология, требует внимания. А ее коллизия с эффективностью роста становится в настоящее время полем для широкого обсуждения. Можно образно сказать, что в определенной мере политика инклюзивного роста противоположна тактике Наполеона: быстро концентрировать ограниченные силы в нужном месте и в нужный момент - тактике, показавшей свою эффективность практически во всех сражениях.

В настоящем исследовании мы ограничиваемся преимущественно макроэкономическим пониманием качества экономического роста. Многочисленные аспекты расширенной трактовки качества развития затрагиваются только в общих чертах с целью полноты охвата проблемы и должны составлять специальный предмет для исследований, так же как выбор приоритетов между всеми компонентами качества роста.

В представленном выше узком определении качества экономического роста выделяются такие аспекты экономического роста, как устойчивость, состоятельность, эффективность, прогрессивность, гибкость, социальная направленность, снижение дифференциации доходов населения. Каждый из них требует раскрытия и своего исследования. При этом социальную направленность и инклюзивность развития следует рассматривать в рамках расширенной трактовки качества экономического роста.

Под *устойчивостью* экономического роста следует понимать характеристику, отражающую низкую вариабельность макроэкономических показателей на протяжении длительного срока. Тогда эта характеристика учитывает не только конъюнктурные изменения экономических показателей, но и их динамику в рамках экономических циклов. Цикличность экономического развития делает понятие устойчивости - как низкой вариабельности макропоказателей - менее однозначным. Объективно существуют циклы инвестиций в основной капитал, связанные с его обновлением, циклы динамики численности населения, циклы, вызванные внешнеэкономическими шоками и восприятием мировых технологических волн [6]. Потребность в циклическом развитии и овладении его возможностями объективна. Экономика, проходя через циклы, в долгосрочном плане повышает свое качество роста, особенно если циклы

создают основу для смены технологической базы производства. Поэтому в понятие устойчивости, как низкой вариабельности, должны быть введены дополнительные уточнения, связанные с выделением и элиминированием циклической компоненты, если она может быть выделена. В случае если высокая вариабельность превышает необходимые для циклических потребностей размеры, то это даже при высоких темпах роста говорит о низком его качестве.

Понятие *состоятельности* предполагает преимущественную опору экономики на факторы, формирующие потенциальный рост, то есть на факторы, которые лишь в незначительной степени зависят от конъюнктурной компоненты, негативного влияния внешних и внутренних шоков и формируют устойчивый рост в продолжительный период времени с учетом предвидимых циклических колебаний основного капитала и труда. Такими факторами являются преимущественно основной капитал и технологический прогресс (инновационный фактор), понимаемый в широком смысле, включая управленческие и организационные технологии. Конкурентоспособность и выход на мировые рынки высокотехнологичной (или несырьевой) продукции также являются факторами, повышающими состоятельность и независимость экономики. Поэтому состоятельность экономики может быть выражена через величину и долю вклада факторов роста, не обусловленных конъюнктурными факторами [7, 8].

Эффективность экономики имеет различные аспекты, например в общепринятом определении она выражается в совокупной производительности факторов, измеряемой на основе аппарата производственной функции [8, 9]. В расширительном плане эффективность экономики, как большой системы, должна включать также направленность на постоянное преобразование структуры системы не только для разрешения ее противоречий, но и ее трансформации для реализации потребностей будущего.

Это понимание эффективности включает в себя указанное выше понятие *прогрессивности*, которое означает использование экономикой направлений, которые прогнозируются как самые эффективные для каждого предстоящего этапа развития. В некотором плане их отражают мировые тенденции технологического развития. При этом вопросы - какие направления и на каких этапах жизненных циклов технологического

развития следует включать в число прогрессивных для России или другой страны при оценках качества роста - являются самостоятельными содержательными направлениями исследований. Аспект расширенного понимания эффективности и прогрессивности системы, связанный с реализацией потребностей будущего, включает создание «потенциала будущего развития» и обеспечение «интересов будущих поколений».

Гибкость, как один из аспектов эффективности системы, отражает ее способность формировать такую реакцию на внешние и внутренние импульсы, при которой способность к развитию не снижается, а возрастает. Это выражается в свойстве систем мобилизовать такие ресурсы и силы из своего потенциала, которые не только возвращают систему к состоянию равновесия, но одновременно перестраивают структуру исходя из новых требований и вызовов. Чаще всего это происходит в момент кризиса системы. Кризисы, как вызов к системе, формируют импульс циклического развития и являются главным стимулом перестройки системы [6]. Готовность к кризису является важнейшей характеристикой прогрессивности и гибкости системы.

Как *сложность* системы связана с качеством роста? С одной стороны, развитие систем, как правило, связано с их усложнением, с другой стороны, сложность системы приводит к негативным эффектам, поэтому она не напрямую связана с качеством. Скорее можно сказать, что если сложность способствует повышению гибкости, способности решать целевые задачи и реагировать на «вызовы», то это работает в сторону повышения качества системы. Если же повышение сложности вызвано необходимостью подавления негативных явлений, связанных с нарастанием противоречий в действующей системе, то такое повышение сложности может привести к противоположному эффекту - снижению гибкости системы в ее реакции на вызовы, и как крайнее следствие, разрушению структур системы в момент, когда на снятие противоречий сил у системы уже не хватает, например в период структурного кризиса. Тогда сам кризис в явочном порядке упрощает структуру системы. Измерить качественную компоненту сложности пока не представляется возможным.

Расширенное понимание экономического роста, как экономического развития, должно включать в себя также направленность на повы-

шение качества социального развития, снижение межрегиональных разрывов, улучшение экологии среды, последовательное решение проблемы инклюзивного развития. Эти аспекты расширительного качества экономического развития должны составлять специальный предмет исследования.

Таким образом, исследование качества экономического роста требует рассмотрения различных аспектов и срезов экономики, установления их характеристик и параметров, исследования их взаимосвязей. Все указанные выше аспекты качества экономического роста сформулированы в достаточно общем виде и требуют выражения в более конкретных, измеримых характеристиках. Но многоплановость и многоаспектность качества роста не позволяют реализовать эту задачу в рамках одной работы (а тем более, одной модели) и требуют широкого обсуждения его содержания, методов измерения, согласования противоречивых интенций, намерений и установок. Особенно сложны вопросы построения приемлемого для общества содержания расширительного понимания качества экономического развития.

Индикаторы качества роста. Современная теория эндогенного роста [9-13] значительно продвинулась в понимании того, какие условия и факторы оказывают наиболее существенное влияние на экономический рост. Обобщение исследования этих условий на основе выборки примерно по 100 странам можно найти в основополагающей работе Р. Барро [12]. Ряд из них имеют прямое отношение к характеристикам, отражающим качество экономического роста. Хотя предмет качества роста выходит за пределы теории эндогенного роста, эти работы полезны и для понимания основных составляющих качества роста.

Классический подход к исследованию непосредственно качества роста обычно выделяет три группы индикаторов: динамические, связанные с темпами роста экономики и их устойчивостью; структурные, отражающие эффективность, прогрессивность структуры; и социальные (включая экологические), то есть выходящие формально за рамки чисто экономических характеристик. Другой подход к анализу качества систем направлен на исследование качества результата, качества процесса (технологические и воспроизводственные характеристики) и качества условий (потенциальных возможностей, качество

факторов). Оба принципа, дополняя друг друга, методически полезны и могут использоваться для группировки индикаторов, характерных для качества экономического роста в его макроэкономическом понимании.

Среди характеристик, количественно отражающих качество экономического роста, кроме темпов роста, производительности труда и показателей устойчивости роста, можно выделить:

а) качество и конкурентоспособность отечественной продукции;

б) интенсивность изменения и качество факторов производства, в том числе:

- темпы роста и эффективность основного (физического) капитала как ведущего фактора экономического роста;

- качество и эффективность человеческого капитала, роль которого возрастает как основного источника инноваций и повышения совокупной производительности факторов;

- локализация капитала и труда на наиболее эффективных направлениях;

- скорость технологического прогресса;

- степень овладения геополитическими и социально-историческими факторами и преимуществами развития страны и др.;

в) качество условий для экономического роста, в том числе:

- уровень инфляции во всех сферах экономики, поскольку инфляция понижает эффективность решений, ухудшая условия для развития, и одновременно является прямым налогом для потребителей и производителей благ;

- сбалансированность развития - сохранение оптимальных для экономического роста пропорций, в том числе в потреблении и накоплении и других общих и более частных пропорций и соотношений;

- величина долговой и налоговой нагрузки на экономику, ухудшающая возможности инвестирования в нее свободных средств; долговая нагрузка означает также развитие за счет сокращения возможностей для будущего.

Кроме количественных и обобщенных характеристик качества роста на макроуровне, следует выделить также структурные характеристики экономики, от которых зависит рост (условия развития) и в которых может выражаться качество развития (результат). Отметим среди них следующие:

- институциональная, отраслевая, территориальная структура экономики (например, состояние инфраструктуры, доля малого и среднего бизнеса и мобильных форм производств, доля высокотехнологических производств, предприятий, внедряющих инновации, быстроразвивающихся кластеров и зон опережающего развития, использование агломерационных и синергических эффектов в территориальном развитии, снижение доли депрессивных территорий);

- структура экспорта (прежде всего, доля высокотехнологичного и несырьевого) и импорта (доля инвестиционного и потребительского импорта) и импортозависимость;

- дифференциация общества по уровню жизни, в том числе по доходам, доступности социальных и других благ, социальной, правовой и экологической защищенности;

- соответствие профессиональной структуры трудовых ресурсов требованиям качества экономического роста и др.

Нарушение оптимальных пропорций и соотношений в этих характеристиках снижает качество экономического роста.

Отметим, что сбалансированность экономики, понимаемая в различных разрезах и аспектах, является одним из важных условий, при которых различные факторы и импульсы экономического роста могут обеспечить наиболее надежное, устойчивое влияние на общеэкономический рост, не приводя к ущербу или сдерживанию его за счет слабых и узких мест, и одновременно обеспечивать перенос импульсов развития на более широкие слои экономики, реализуя тем самым, в определенной мере, принцип инклюзивности. Отдельные примеры влияния несбалансированности на экономический рост будут приведены ниже в разделах работы.

К условиям качественного роста следует также отнести условия для бизнеса и привлечения инвестиций: состояние финансовых рынков, поддержка науки и технологий, поддержание законности и правопорядка, защита интеллектуальной собственности, политическая поддержка (завоевание) рынков, привлечение квалифицированных кадров и заимствование новых технологий; доступность всех видов ресурсов (финансовых, инфраструктурных, информационных и др.) для бизнеса и населения, налоговое, таможенное регулирование, или более широко, условия для мобильности ресурсов, возможности

привлечения ресурсов «в нужное место и в нужный момент» и др.

Все указанные группы факторов и условий, как характеристики первого уровня, могут детализироваться далее в различных разрезах и аспектах, образуя индикаторы и условия второго уровня и т. д. Например, эффективность основного капитала может рассматриваться не только с позиций его производительности в целом, но и со стороны технологической структуры инвестиций и капитала, воспроизводственной структуры основных фондов (выбытие, обновление основных фондов, сроки службы, степень износа оборудования, состояние незавершенного строительства), отраслевой структуры и других параметров, которые также могут выступать индикаторами степени его прогрессивности и эффективности. В структуре конечного потребления важны характеристики не только потребления домашних хозяйств и государства, но также доля потребления технически сложных товаров, услуг, доля государственного непроизводственного потребления и т. д. с детализацией всех составляющих характеристик и условий первого уровня. Построение системы индикаторов, отражающих различные аспекты качества экономического роста и их надежное измерение, - одна из важнейших задач в сфере экономических и статистических исследований.

Другая задача - построение системы взаимосвязей индикаторов между собой и их воздействия на основные параметры экономического роста. Построение числовой модели развития, включающей в себя всю систему индикаторов и их взаимосвязей, - труднейшая задача. Попытки управлять экономикой на основе построения такой числовой модели в советское время со стороны Госплана и правительства закончились не вполне удачно по разным причинам. Вместе с тем без исследования таких числовых зависимостей невозможно добиться прогресса в решении задач ускорения экономического роста и повышения его качества.

По ряду индикаторов, используемых российской статистикой, уже сегодня можно сделать предварительные выводы об отдельных аспектах качества экономического роста и их влиянии на экономический рост в целом. Рассмотрим, как отдельные аспекты и характеристики качества экономического роста складывались в нашей экономике в разные периоды ее развития.

Качество роста на разных этапах российской экономики. С позиций темпов роста, состоятельности и устойчивости развития можно выделить период восстановления экономики после Второй мировой войны - 1946-1960 гг. (см. рис 1 в логарифмической шкале, отражающей относительный рост ВВП; в ней одинаковый кратный рост выражается одинаковыми отрезками по вертикали). Этот период характеризовался высокими темпами роста, накопления и потребления, техническим прогрессом, базирующимся на овладении (в том числе заимствованиями) основными достижениями IV технологической волны, то есть на развитии атомной промышленности, авиационной промышленности и ракетостроения. Но в настоящее время трудно подтвердить другие характеристики качества роста в этот период: эффективность, сбалансированность, социальный прогресс и степень дифференциации. Например, социальный прогресс в этот период был ошутим всеми слоями населения, но уровень жизни был все же не сопоставим в сравнении с другими странами.

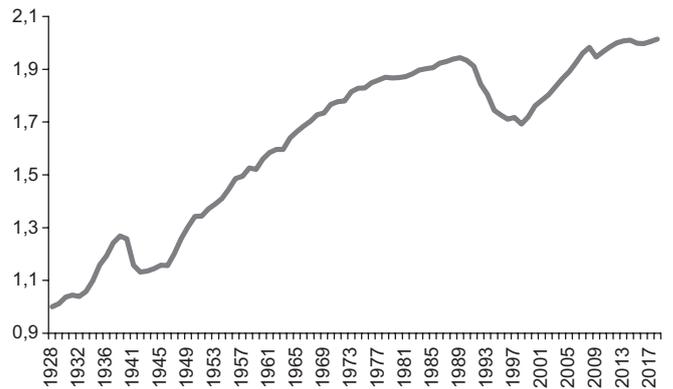

Рис. 1. Динамика ВВП в 1928-2017 гг. в логарифмической шкале (1928 = 1,0)

К 1980-м годам исчерпывается потенциал экономического роста за счет мобилизации экстенсивных факторов и достижений IV технологической волны. Явно снижается эффективность экономики, особенно в период усилий по ускорению экономического роста в середине 1980-х годов за счет повышения нормы накопления на фоне резкого падения мировых цен на нефть. Неэффективность, несбалансированность и негибкость экономики были налицо.

В последующий период, в конце 1980-х и в 1990-е годы, когда мир захватила V технологическая волна, основанная на электронике и IT-технологиях, наша страна была увлечена

трансформацией экономической системы. Поэтому возможности овладения этой сильнейшей волной, мировыми трендами были потеряны. Отсюда и отставание в последующие годы.

Переход циклического спада 1992-1998 гг. в экономический рост 1999-2003 гг. основывался на расчистке условий для роста экономики, сдерживавшихся отчасти искусственно перед кризисом 1998 г. После реализации посткризисного импульса в 1999-2000 гг. в последующие два года (2001-2002) темпы роста экономики составляли 4,7-5,1% и соответствовали темпу роста потенциального ВВП.

В период 2003-2008 гг. высокие темпы роста (свыше 7% в год) поддерживались наполовину конъюнктурными факторами - высокой динамикой и уровнем цен на нефть, спросом на российские энергетические ресурсы. Поэтому рост в этот период нельзя отнести к состоятельному. Но налицо частичный переход циклического роста в состоятельный экономический рост. Часть доходов, полученных от циклического и конъюнктурного роста, стала в этот период частично источником состоятельного роста через их вложения в расширение производственных мощностей несырьевых отраслей, в технологии и человеческий капитал. Это объясняет тот факт, что из 28%-ного конъюнктурного роста за 2003-2008 гг. в период кризиса 2008-2009 гг. было снято лишь 12%, остальная часть обеспечила формирование состоятельной компоненты роста. Это отражается превышением уровня ВВП над условно-потенциальным ростом, который сформировался после кризиса 1998-1999 гг., что может говорить о возросшей эффективности экономики. Вместе с тем существенно изменилась в сторону экспортно-сырьевой ориентации структура экономики (см. рис. 2). После кризиса 2009 г. темпы роста экономики восстанавливаются на уровне около 4% в год.

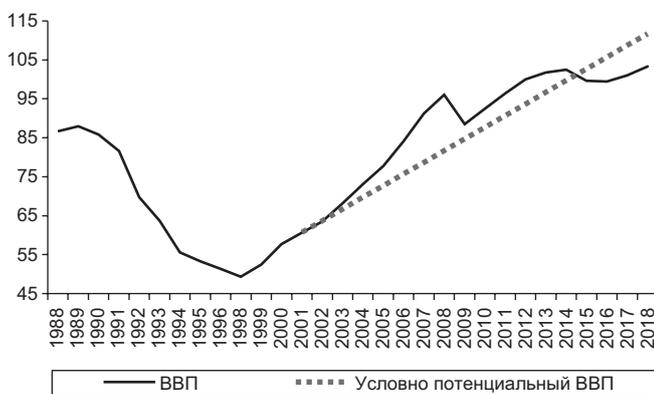

Рис. 2. Динамика ВВП в 1988-2018 гг. (2012 = 100%)

Для более глубокого анализа факторов в этот и последующие периоды был использован аппарат производственной функции в соответствии с основными положениями теории эндогенного роста [9], но с учетом специфики российской экономики [7].

Для российской экономики была предложена и оценена следующая производственная функция:

$$Y_t = B_t K_t^\alpha L_t^\beta U_t^\gamma Ex_t^\delta P_t \quad (1),$$

где Y_t - индекс роста валового внутреннего продукта; B_t - масштабный множитель; K_t - фактор капитала, представляемый динамикой основного капитала; L_t - фактор труда, представляемый динамикой численности занятых в экономике; U_t - изменение мировых цен на нефть; Ex_t - рост физического объема экспорта; P_t - фактор технологического прогресса (инновационный фактор).

Факторы цен на нефть и роста физического объема экспорта добавлены для отражения специфики российской экономики в этот период (форма их учета представлена в [7]). Их введение значительно улучшило аппроксимацию ее динамики.

Фактором, воздействующим на рост совокупной производительности, имеющим характер инновационного фактора, выступает относительный рост инновационного фонда $V(t)$ (фонда накопленных вложений в инновационные секторы) за период времени, не превышающий срок сохранения свойства инновационности, то есть:

$$W(t) = V(t) - V(t - n), \quad n = 10 \text{ лет},$$

где $W(t)$ - инновационный фонд на момент t ; $V(t)$, $V(t - n)$ - накопления в инновационные секторы на моменты t и $t - n$.

Как и основной капитал, он входит в производственную функцию с определенной эластичностью μ :

$$P(t) = W(t)^\mu.$$

Для значений параметров функции по данным за 1997-2018 гг. получены следующие оценки:

$$\alpha = 0,39, \beta = 0,61, \gamma = 0,24, \delta = 0,29, \mu = 0,11.$$

К конъюнктурным факторам отнесены влияние цен на нефть, а также часть экспортного фактора, обусловленная ростом цен на нефть. Рост совокупной производительности факторов (TFP) определяется суммой инновационного фактора (TFP 1) и фактора роста физического объема экспорта, обусловленного ростом инвестиций в основной капитал. Динамика основных

факторов, учитываемых в модели, представлена в таблице 1. Вклад основных факторов в рост производства, рассчитанный в соответствии с моделью (1), представлен в таблице 2.

Таблица 1

Динамика основных факторов роста в 2001-2018 гг.
(темпы прироста; в процентах)

Фактор	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Цена на нефть, долларов за баррель	23,0	23,7	27,3	34,7	50,6	61,1	69,3	94,4	61,1	78,2	108,9	109,2	107,9	97,2	51,2	41,7	53,0	70,0
Численность занятых	0,8	0,9	0,6	0,6	0,6	0,6	1,2	0,7	-1,6	0,2	0,2	0,4	-0,1	-0,1	0,0	-0,5	-0,3	0,3
Инвестиции в ОК	11,7	2,9	12,7	16,8	10,	17,8	23,8	9,5	-13,5	6,3	10,8	6,8	0,8	-1,5	-10,1	-0,2	4,8	4,3
Основной капитал	2,9	3,8	5,1	5,4	5,6	6,5	6,5	6,8	6,4	5,9	5,8	7,0	6,9	6,0	4,7	2,6	0,8	1,9
Экспорт	4,2	10,3	12,4	10,0	4,8	5,8	4,4	-2,5	-3,3	7,0	-1,8	0,7	3,7	1,2	6,3	4,0	3,8	4,2
Инвестиции в инновационный комплекс	11,9	-2,4	9,5	14,9	17,3	25,8	20,8	6,6	-13,1	7,6	9,4	7,4	-1,9	-6,2	-8,6	-13,2	-0,2	11,9
Инновационный фонд	5,6	5,1	5,3	6,0	6,9	8,4	9,6	9,3	7,0	7,0	7,2	7,2	6,5	5,5	4,5	3,4	3,2	3,6

Таблица 2

Вклад основных факторов в рост ВВП в 2001-2018 гг.
(в процентных пунктах)

Показатель	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Численность занятых	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	0,7	0,5	-0,7	-0,1	0,1	0,2	0,0	-0,1	0,0	-0,2	-0,2	0,1
Основной капитал	1,1	1,5	1,9	2,1	2,2	2,5	2,6	2,6	2,5	2,3	2,3	2,7	2,7	2,4	1,9	1,1	0,4	0,7
Фактор цены на нефть	0,8	0,1	1,2	2,3	3,7	2,7	1,7	2,8	-1,0	0,9	3,3	1,3	0,2	-0,4	-3,1	-2,4	1,3	2,9
Экспорт	1,4	3,4	4,1	3,3	1,6	1,9	1,5	-0,8	-1,1	2,3	-0,6	0,2	1,2	0,4	2,1	1,3	1,2	1,4
в том числе экспорт потенциальный	1,3	1,8	1,9	1,7	1,3	0,9	0,5	0,1	0,0	0,3	0,2	0,3	0,4	0,6	0,8	0,8	0,8	0,7
TFP 1 (инновационный фактор)	0,5	0,4	0,4	0,5	0,6	0,7	0,8	0,8	0,6	0,6	0,7	0,7	0,6	0,5	0,4	0,3	0,3	0,3
TFP (совокупная производительность)	1,8	2,2	2,3	2,2	1,8	1,6	1,3	0,9	0,6	0,9	0,8	0,9	1,0	1,1	1,2	1,1	1,0	1,0
Циклические и прочие факторы	0,9	0,5	1,4	0,2	-1,7	0,9	2,4	-1,6	-9,2	0,4	-2,3	-1,5	-2,1	-2,3	-2,7	0,2	-0,9	-2,4
ВВП - потенциальный темп прироста	3,4	4,2	4,6	4,7	4,4	4,5	4,5	4,0	2,4	3,1	3,2	3,8	3,7	3,4	3,1	1,9	1,2	1,8
ВВП - темп прироста	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	8,2	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,7	1,8	0,7	-2,8	-0,2	1,6	2,3

Из данных таблиц 1 и 2 видно, что наиболее высокие темпы инвестиций в инновационный сектор экономики отмечались в 2001-2007 гг., а наибольший относительный рост накопленного инновационного фонда приходится на 2007-2011 гг. с учетом лага накопления фонда и его отдачи. Естественно, на этот период приходится и наиболее высокий его вклад в динамику экономического роста. Докризисный период 2000-2008 гг. был наиболее прогрессивным и в снижении уровня бедности: ее размеры снизились с 29% в 2000 г. до 13,4% к концу периода.

Тем не менее отрицательное воздействие циклического фактора было более существенным, чем позитивный тренд в качестве экономического роста.

В следующий период вклад инновационного фактора начинает замедляться, наиболее заметно после 2011 г. (с 0,7 п.п. в 2011 г. до 0,3 п.п. в 2017 г.). Это связано как с падением инвестиций в основной капитал и, соответственно, замедлением роста основного капитала, так и со снижением инвестиций в инновационные секторы экономики, что особенно важно. Ухудшается и ряд других

характеристик качества роста. Эффект снижения инвестиций в основной капитал и замедления роста эффективности в период после 2011 г. связан в том числе с проявлением различных аспектов несбалансированности экономики в этот период, ставших одной из причин замедления экономического роста.

Прежде всего, обратим внимание на то, что относительно низкие темпы роста инвестиций в основной капитал совмещаются в этот период с

сохранением относительно высоких темпов конечного потребления домашних хозяйств (КПДХ) (см. рис. 3). Этот компонент качества роста поддерживается государством и населением. Но каким образом? В период кризиса 2009 г. происходила прямая поддержка населения государством, сохранялись высокие социальные обязательства в последующие годы и признание их государством на фоне ожиданий возвращения к высоким темпам экономического роста.

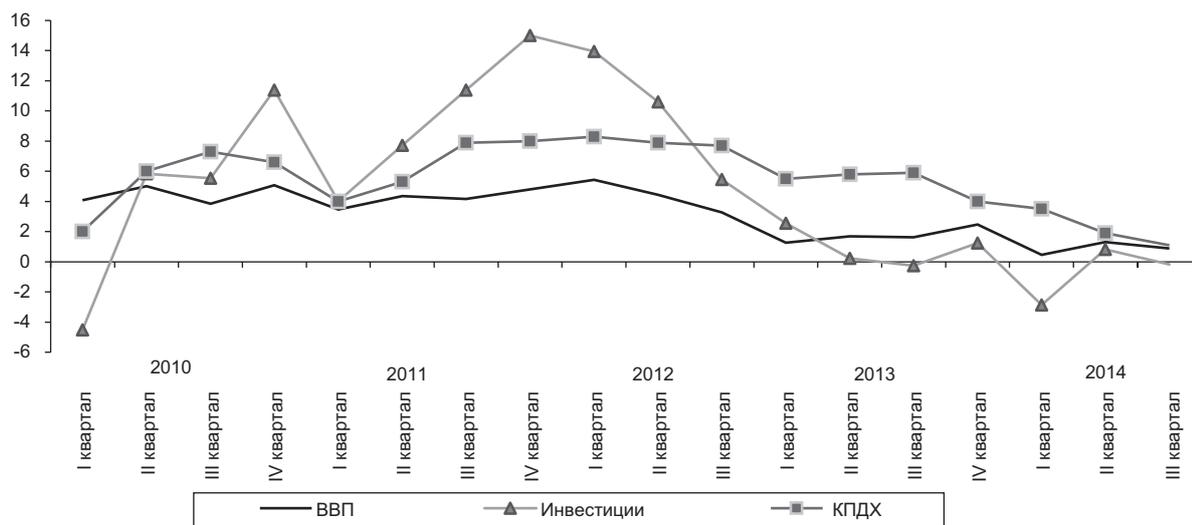

Рис. 3. Динамика ВВП, инвестиций в основной капитал, конечного потребления домашних хозяйств в 2010-2014 гг. (в процентах)

Другим источником поддержки потребления после кризиса 2009 г. и вплоть до 2012 г. был рост потребительского кредита: его темп роста в 2011 – 1-м полугодии 2012 гг. находился в интервале 32-40% к соответствующему периоду предыдущего

года (см. рис. 4). В результате увеличивался прирост задолженности по кредитам: во 2-м полугодии 2011 г. и в 2012 г. он обеспечивал от 4 до 5,5% потребления домашних хозяйств (см. рис. 5).

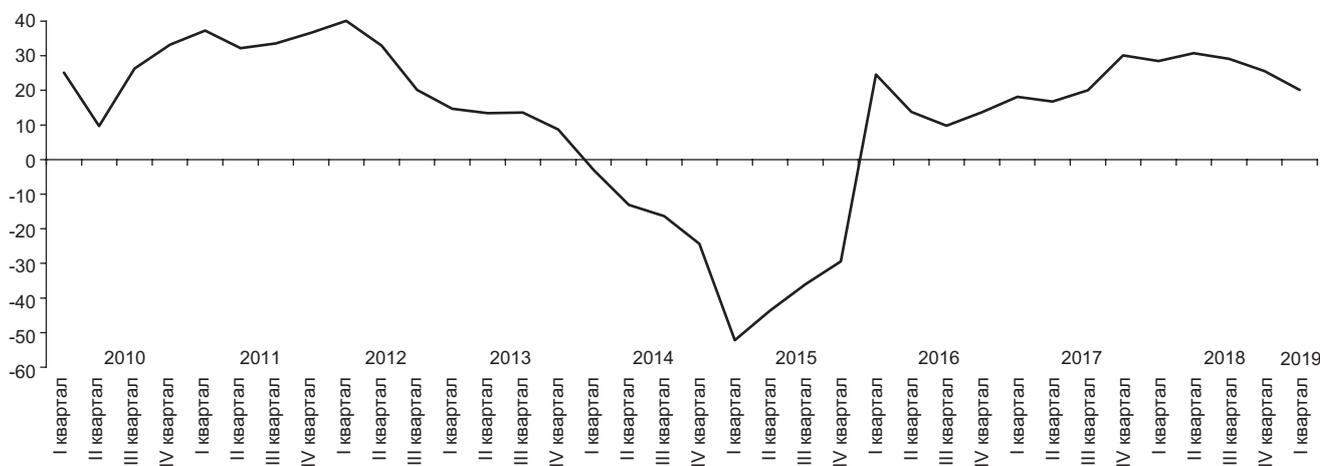

Рис. 4. Темп прироста потребительского кредита в 2010-2018 гг. (квартал к соответствующему кварталу предыдущего года; в процентах)

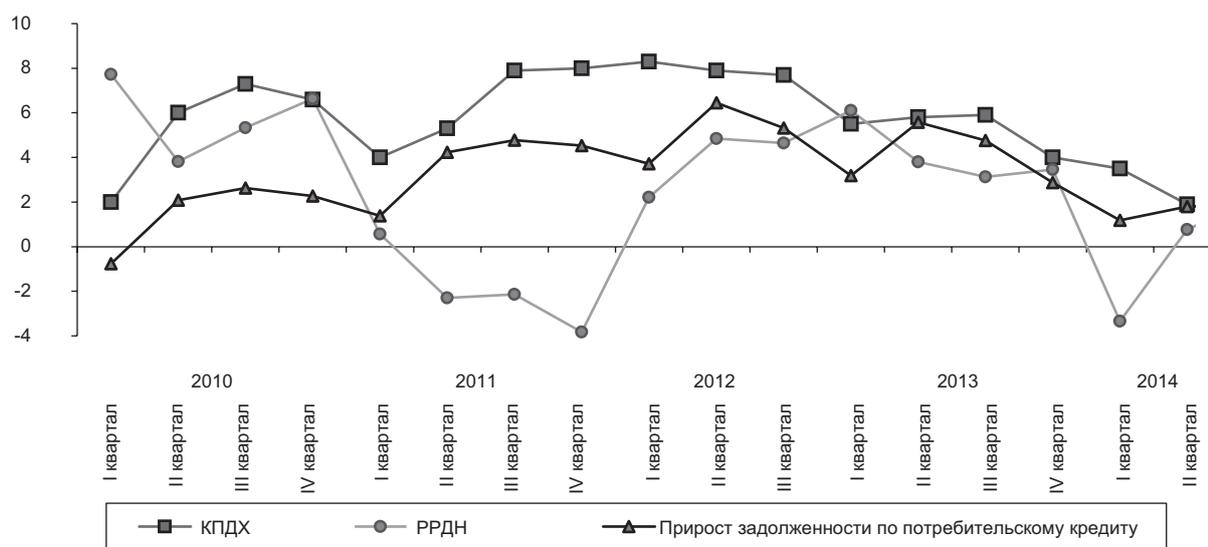

Рис. 5. Динамика конечного потребления домашних хозяйств и реальных располагаемых доходов населения (РРДН) (квартал к соответствующему кварталу предыдущего года; в процентах) и прироста задолженности по потребительскому кредиту (в процентах к КПДХ), в 2010-2014 гг.

С начала 2012 г. государство участвует в поддержке потребления более активно. Благодаря активизации социальной политики, в том числе принятию указов Президента, возрастают реальные располагаемые доходы населения и временно снижается нагрузка на потребительский кредит. Появляется тенденция к сокращению задолженности населения по потребительскому кредиту и его вклада в расходы населения на конечное потребление.

Но одновременно в этот период, на фоне роста реальных располагаемых доходов населения, как отмечалось, замедляются темпы роста инвестиций в основной капитал, а с начала 2012 г. начинается падение сезонноочищенной динамики инвестиций (см. рис. 3). Конечно, во многом это связано с удорожанием кредитных ресурсов на мировых рынках и началом очередного циклического инвестиционного спада после максимального подъема в 2000-2008 гг. Но и перекося в потреблении и накоплении в 2012-2014 гг. особенно заметен. Низкие темпы инвестиций в этот период не способствовали поддержке экономического роста. Таким образом, в период 2010-2014 гг. закладываются условия для замедления роста экономики и качества экономического роста.

Следующий этап в снижении инвестиций и темпов экономического роста начинается с момента падения мировых цен на нефть и введения финансово-экономических санкций западными странами. Он характеризуется вхождением экономики России в новый циклический спад,

выступивший как кризис 2015-2016 гг. Вместе с тем масштабы падения темпов ВВП были все же менее значительны, чем при сопоставимом падении цен на нефть в 2009 г. (ВВП понизился на 2,8% в 2015 г. против 7,8% в 2009 г.), что говорит о повысившейся устойчивости экономики. Однако, как показано выше, эффективность экономики продолжает падать.

В этот период реальные располагаемые доходы населения практически не растут (см. рис. 6). Это явилось следствием падения темпов экономического роста и, возможно, усилий по поддержке доходов населения в 2012-2013 гг. Потребление домашних хозяйств начинает возрастать лишь с 2017 г., но поддерживается не увеличением доходов, а ростом задолженности населения по потребительскому кредиту в реальном выражении в процентах к КПДХ. Реальные доходы населения продолжают стагнировать в районе нулевого темпа.

Величина потребительского кредита в реальном выражении (дефлированного на ИПЦ) в IV квартале 2018 г. достигла среднего уровня 2013 г., пикового для посткризисного периода, а по абсолютной величине (в текущих ценах) превысила его на 50%. Только в I квартале 2019 г. мы видим некоторый перелом ситуации: вместе с ростом реальных доходов населения снижается задолженность по кредитам в процентах к КПДХ.

Политика повышения доходов населения в целом в период 2009-2018 гг. не обеспечила при этом снижения бедности. В соответствии с последними данными и методологией Росстата

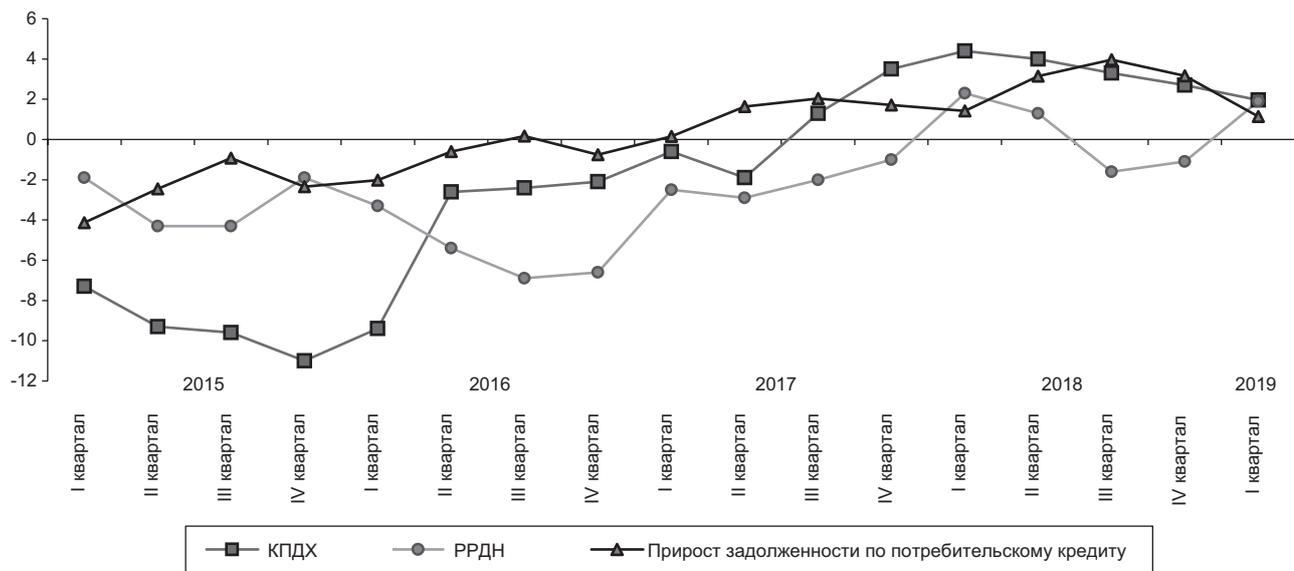

Рис. 6. Динамика конечного потребления домашних хозяйств и реальных располагаемых доходов населения (РРДН) (квартал к соответствующему кварталу предыдущего года; в процентах) и прироста задолженности по потребительскому кредиту (в процентах к КПДХ), в 2015-2018 гг.

средний уровень бедности в период с 2007 г. (см. рис. 7) колебался около 13%. Поэтому данная проблема рассматривается в последнее время как приоритетная среди других направлений социально-экономического развития.

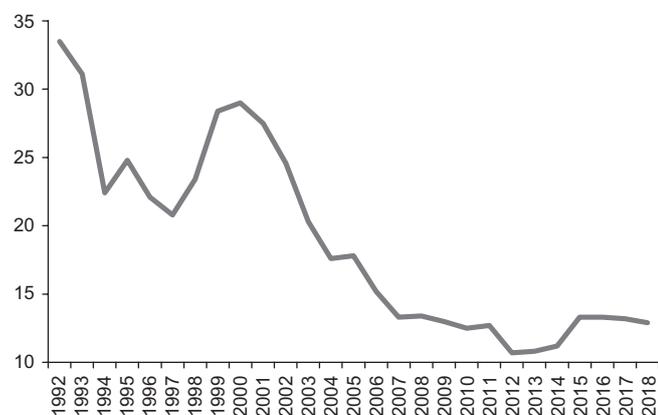

Рис. 7. Динамика уровня бедности в 1992-2018 гг. (в процентах)

Вместе с тем, как результат активной социальной политики, проводимой правительством с начала 2012 г., установилась тенденция к понижению коэффициента Джини (см. рис. 8), что говорит о некотором снижении дифференциации населения по доходам. Это подтверждает и динамика коэффициента фондов, отражающая соотношение денежных доходов 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения (см. рис. 9).

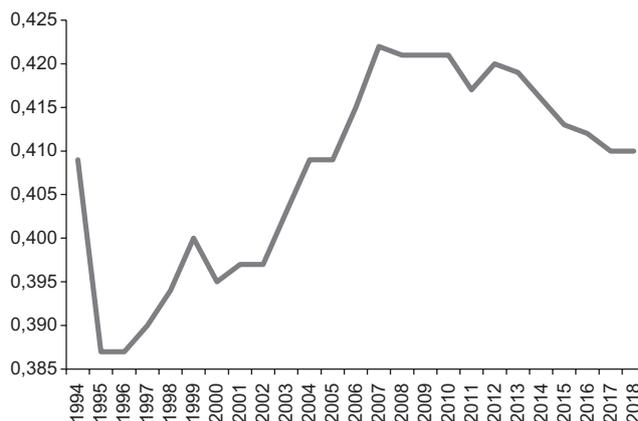

Рис. 8. Коэффициент Джини в 1994-2018 гг.

Источник: данные Росстата.

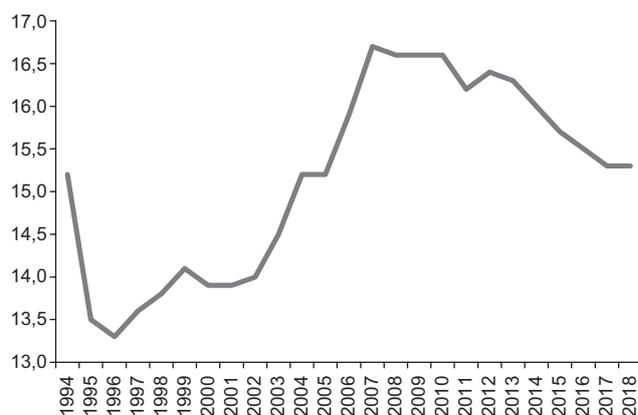

Рис. 9. Коэффициент фондов в 1994-2018 гг.

Источник: данные Росстата.

Другие структурные компоненты качества роста. Структура производства, экспорта и импорта.

Среди характерных для измерения качества роста моментов в изменении структуры производства ВВП в 2015–2018 гг. можно отметить следующие:

- стабилизация доли обрабатывающих производств в ВВП на уровне 12,0–12,4% при некотором снижении доли профессиональной, научной и технической деятельности (с 4,0 до 3,8%) и деятельности в области информации и связи (с 2,2 до 2,1%);

- повышение доли топливного сектора в производстве ВВП с 8,7 до 11,5% (основной фактор - рост мировых цен на нефть), а также доли финансовой деятельности и страхования с 3,1% в 2015 г. до 3,8–3,9% в 2017–2018 гг.;

- некоторое повышение доли отраслей, отвечающих за качество человеческого капитала, - с 5,6 до 5,9%;

- снижение доли строительства с 5,7 до 5,4%, что связано с замедлением роста инвестиций в основной капитал;

- снижение доли торговли (оптовой и розничной) с 14,2 до 12,8%, что связано с торможением экономического роста и снижением реальных доходов населения.

В изменении структуры экспорта и импорта наиболее характерными являются следующие моменты: отсутствие роста доли несырьевого неэнергетического экспорта: 34,4% в 2015 г. и 33,5% в 2018 г. (основная причина - рост мировых цен на энергоносители в этот период); вместе с тем, как положительный момент, следует отметить возвращение в 2018 г. доли инвестиционного импорта к уровню 2008 г. (27,2 и 27,4%) после падения в 2009–2015 гг. (22,4–24,5%).

Таким образом, структурные сдвиги в экономике с точки зрения повышения качества роста в 2015–2018 гг. относительно противоречивы. В целом можно сказать, что при замедлении улучшения качества экономического роста после кризиса 2009 г. (по показателям темпов экономического роста и его инновационной составляющей, качества структуры роста и его сбалансированности) сохраняется определенный прогресс по ряду его компонент: сокращению бедности и снижению дифференциации населения по доходам.

Региональный аспект качества роста. Региональный разрез экономики является одним из важнейших в представлении экономического рос-

та и его качества, особенно с позиций инклюзивности развития. Наиболее часто используемыми показателями для характеристики качества роста в региональном разрезе выступают показатели устойчивости экономического роста регионов, динамики производительности труда, доли инвестиций в ВВП и инновационных производств, уровень дифференциации регионов по доходам, состояние образования, здравоохранения, доступность инфраструктурных и социальных благ, экологическое состояние регионов. Динамика индикаторов по этим направлениям достаточно активно изучается, в том числе в связи с проводимой оценкой социально-экономического развития регионов и эффективности деятельности руководителей субъектов Российской Федерации.

Все большую популярность приобретают вопросы инклюзивности развития применительно к регионам, то есть выравнивание регионов по доходам, доступности социальных благ и другим показателям. Для российских исследователей тема инклюзивного роста относительно новая, но есть несколько публикаций, которые рассматривают проблему инклюзивности именно регионального развития, и по результатам которых можно сделать некоторые выводы по этому направлению. Во-первых, это статья В.А. Бариновой и С.П. Земцова «Интенсивный рост устойчивости регионов в России» [14]; во-вторых, публикация А.Е. Севастьяновой, А.Н. Токарева, В.В. Шмат «Особенности применения концепции инклюзивного развития к регионам ресурсного типа» [15].

Основной вывод из этих работ состоит в том, что экономический рост очень часто противоречит инклюзивному росту, то есть он распространяется очень неравномерно между всеми участниками роста. Это, например, наблюдается в ресурсных регионах, где все экономические показатели растут, но население к этому росту имеет очень малое отношение, то есть в них показатели инклюзивности не увеличиваются. Другой пример, показывающий определенную в ряде случаев независимость показателей инклюзивности от уровня экономического развития. Два беднейших субъекта Российской Федерации - Республика Ингушетии и Республика Тыва - по ряду экономических показателей близки, но по показателям инклюзивности находятся на совершенно разных полюсах: по продолжительности жизни, состоянию экологии и др.

Исследователи приходят к выводу о повышающейся дифференциации регионов по многим показателям. При этом в период кризиса она несколько понижается в результате поддержки государством наиболее слабых регионов, но в период экономического роста - повышается. Концентрация экономических ресурсов и ускоренное развитие мегацентров, агломераций становятся главным мотором экономического роста.

Продолжается концентрация доходов населения и бизнеса в ограниченном числе регионов страны (доля Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга в совокупном объеме денежных доходов населения достигла в 2016 г. 28,3%, в 2017 г. еще поднялась - до 29,3%). По доле зарегистрированного экспорта и доходов от него дифференциация еще выше. Если в 2000 г. первая десятка регионов охватывала 59,5% экспорта товаров, который давали территории, то в 2018 г. первая десятка в общем объеме давала 72,1% экспорта.

Вопрос о совмещении динамического роста экономики и инклюзивности роста в перспективе остается пока не решенным. Должны ли они совмещаться, где может быть компромисс? Насколько может быть сделана уступка эксклюзивности, как явному мотору роста? И по каким выборочным, точечным направлениям, без заметной потери инклюзивности? Все эти вопросы относятся к проблематике качества экономического роста, которая требует своего дальнейшего исследования. Вывод, с которым согласны большинство специалистов в этой области, - зоны опережающего развития должны захватывать все регионы страны.

О перспективах повышения качества роста.

Если вернуться к макроэкономической проблематике, то актуален вопрос: какие характеристики качества экономического роста могут улучшиться в период до 2024 г. и может ли это улучшение быть комплексным, или только секторальным? Возможен ли одновременный качественный и количественный рост в экономике России до 2024 г.?

Конечно, у России есть ряд благоприятных внутренних условий для экономического роста:

- относительно низкая инфляция;
- низкий внешний долг;
- высокий профицит бюджета;
- относительно высокое накопление резервных фондов;

- высокое качество человеческого капитала;
- достаточные для развития экономики запасы природных ресурсов, ряд территориальных преимуществ.

Но основными необходимыми внутренними условиями для роста в этот период остаются рост основного капитала и повышение совокупной эффективности факторов. Повышение отдельных компонентов качества роста, как это происходило после кризиса 2009 г., неспособно кардинально решить проблему экономического развития в долгосрочном плане. Вместе с тем ряд компонент становится актуальным для решения проблемы качества экономического роста в расширенном понимании: обеспечение устойчивого естественного роста численности населения, повышение продолжительности жизни, устойчивого роста реальных доходов граждан, снижение бедности, улучшение жилищных условий, повышение уровня образовательных и медицинских услуг, улучшение экологических условий. Они образуют задачи, ставшие содержанием основных национальных проектов Российской Федерации до 2024 г. Поэтому их реализация будет благоприятствовать повышению качества роста в расширенном его понимании. Ускорению экономического роста непосредственно будут способствовать реализация ряда других национальных целей: стимулирование технологического развития, ускоренное внедрение цифровых технологий, создание в базовых отраслях экономики высокопроизводительного экспортноориентированного сектора.

Важнейшим фактором экономического роста на современном этапе остаются инвестиции в основной капитал. Они обеспечивают не только наращивание основного капитала, но и рост эффективности как основного (физического) капитала, так и человеческого капитала через вложения их в инновационные сектора экономики, то есть рост совокупной производительности факторов инновационного характера. Эти направления и создают основу состоятельности и эффективности экономики. Поскольку затраты труда в перспективном периоде не увеличиваются (рост занятых в экономике даже по оптимистическому варианту в среднем не превышает 0,2% в год), то инвестиции в основной капитал и рост эффективности капитала берут на себя основную нагрузку во вкладе в экономический рост. С учетом того, что темп экономического роста к 2024 г. должен стать не ниже общемирового (около 3%),

темпа роста инвестиций в основной капитал, по расчетам, должен быть не ниже 5,5-6,0% в год. Вклад основного капитала достигнет 1,8 п.п. прироста ВВП. Основу такого вклада составляют инвестиции в основной капитал. Учитывая эту роль инвестиций, нецелесообразно измерять их вклад в рост ВВП только исходя из их темпа роста и доли в ВВП, рассчитываемого по методу использования доходов, в котором инвестиции в основной капитал составляют около 19%. Это чисто формальный подход к оценке их вклада, который абстрагируется от роли инвестиций как фактора воспроизводства капитала и повышения совокупной эффективности факторов, определяющих рост потенциального ВВП. Использование счета ВВП по использованию доходов без учета счета производства и оценки роста потенциального ВВП «затуманивает» роль потребления домашних хозяйств в экономическом росте - доля потребления домашних хозяйств составляет в ВВП около 50%, и это создает впечатление, что за счет его стимулирования, например расширением кредита или другими доступными методами, можно повысить темпы экономического роста.

Вклад инновационного фактора даже при опережающем росте инвестиций в инновационные секторы экономики, с учетом лагового характера наращивания инновационного фонда начнет заметно возрастать только к концу периода, достигая 0,5 п.п. прироста ВВП в 2024 г. против 0,3 п.п. в 2017 г. и 0,9 п.п. перед кризисом 2009 г. Таким образом, достижение темпа роста ВВП, превышающего среднемировой уровень, возможно только при активизации дополнительных факторов роста: увеличения неэнергетического экспорта, включая военную технику и вооружения, развития малого бизнеса, не связанного в основном с наращиванием инвестиций в основной капитал, и другими нересурсоемкими направлениями, точечной локализации ресурсов на самых эффективных направлениях.

Выводы. Качество экономического роста - многоплановое и многоаспектное понятие. Макроэкономические модели эндогенного роста показали возможность их использования для обоснования динамики экономического роста и выявления наиболее значимых его факторов. Инвестиции в основной капитал, их эффективность, качество человеческого капитала, техно-

логический прогресс, эффективная локализация ресурсов, сбалансированность экономики, благоприятные условия для бизнеса, включая продвижение на рынки высокотехнологичной продукции, являются главными факторами экономического развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Включение в содержание качества роста компонентов инклюзивного роста повышает сложность этого понятия и делает некоторые простые решения по повышению темпов экономического роста не однозначными с позиций расширенного его понимания. С позиций инклюзивности и одновременно динамичности роста, возникает целый ряд вопросов: насколько активная эксплуатация природных ресурсов способна повысить уровень жизни населения на территории, на которой эти ресурсы добываются? Способно ли создание крупных агломераций, даже с инновационной направленностью, содействовать развитию районов, в них не входящих? Не повторят ли эти районы трагедию моногородов? Возможно ли вообще совмещение динамичного роста экономики и ее инклюзивного развития? Какие цели инклюзивного развития должны быть приоритетными, имея в виду их коллизию с динамикой экономического роста? Кто и как должен ранжировать эти цели с учетом специфики российской экономики? Все эти вопросы требуют глубокого специального исследования и широкого обсуждения.

Литература

1. Цели и задачи устойчивого развития, ООН. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.
2. The Inclusive Growth and Development Report 2017. URL: <http://reports.weforum.org/inclusive-growth-and-development-report-2017/>.
3. The Inclusive Growth and Development Report 2018. URL: <http://reports.weforum.org/inclusive-growth-and-development-report-2018/>.
4. Anand R., Mishra M., Peiris S. Inclusive Growth: Measurement and Determinants? IMF Working Paper. 2013.
5. Boarini R., Murtin F., Schreyer P. Inclusive Growth: OECD Measurement Framework // OECD Statistics Working Papers. 2015.
6. Клепач А., Куранов Г. О циклических волнах в развитии экономики США и России // Вопросы экономики. 2013. № 11.
7. Куранов Г.О., Лукьяненко Р.Ф. Исследование экономической динамики и обоснование факторов роста // Вопросы статистики. 2017. № 11. С. 3-20.

8. **Куранов Г.О.** Об исследованиях экономической динамики для целей прогнозирования // Вопросы статистики. 2014. № 6. С. 8-19.
9. **Romer P.M.** *Endogenous Technological Change*. 1989.
10. **Jones C.I.** *Growth and Ideas*. 2004. URL: <http://web.stanford.edu/~chadj/JonesHandbook2005.pdf>.
11. **Solow Robert M.** A Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*, 1956. 70, 1 (February), 65-94.
12. **Barro R.J.** Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study // *National Bureau of Economic Research*, Cambridge. 1996. No. w5698 (August).
13. **Guellec D., van Pottelsverghde de la Potterie B.** R&D and productivity growth: panel data analysis of 16 OECD countries. *OECD Economic Studies*. No. 33, 2001/11, p. 109.
14. **Баринава В.А., Земцов С.П.** Интенсивный рост устойчивости регионов в России // *Регион: экономика и социология*. 2019. № 1(101). С. 23-46.
15. **Севастьянова А.Е., Токарев А.Н., Шмат В.В.** Особенности применения концепции инклюзивного развития к регионам ресурсного типа // *Регион: экономика и социология*. 2017. № 1(93). С. 213-236.

Информация об авторе

Куранов Геннадий Оразович - канд. экон. наук, заслуженный экономист Российской Федерации, ведущий эксперт Минэкономразвития России. 125039, г. Москва, Пресненская наб., д. 10, стр. 2. E-mail: kuranov@economy.gov.ru.

References

1. Sustainable Development Goals, UN. (In Russ.) Available from: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.
2. *The Inclusive Growth and Development Report 2017*. Available from: <http://reports.weforum.org/inclusive-growth-and-development-report-2017/>.
3. *The Inclusive Growth and Development Report 2018*. Available from: <http://reports.weforum.org/inclusive-growth-and-development-report-2018/>.
4. **Anand R., Mishra M., Peiris S.** Inclusive Growth: Measurement and Determinants? IMF Working Paper. 2013.
5. **Boarini R., Murtin F., Schreyer P.** Inclusive Growth: OECD Measurement Framework. OECD Statistics Working Papers. 2015.
6. **Klepach A., Kuranov G.** Cyclical Waves in the Economic Development of the U.S. and Russia (Issues of Methodology and Analysis). *Voprosy Ekonomiki*. 2013;(11):4-33. (In Russ.)
7. **Kuranov G.O., Luk'yanenko R.F.** Study of Economic Dynamics and Validation of Growth Factors. *Voprosy Statistiki*. 2017;1(11):3-20. (In Russ.)
8. **Kuranov G.O.** On Research of Economic Dynamics for Forecasting Purposes. *Voprosy Statistiki*. 2014;(6):8-19. (In Russ.)
9. **Romer P.M.** *Endogenous Technological Change*. 1989.
10. **Jones C.I.** *Growth and Ideas*. 2004. Available from: <http://web.stanford.edu/~chadj/JonesHandbook2005.pdf>.
11. **Solow R.M.** A Contribution to the Theory of Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics*. 1956;70(1):65-94.
12. **Barro R.J.** Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study. Cambridge: National Bureau of Economic Research. No. w5698 (August). 1996.
13. **Guellec D., van Pottelsverghde de la Potterie B.** R&D and Productivity Growth: Panel Data Analysis of 16 OECD Countries. *OECD Economic Studies*. No. 33, 2001/11, p. 109.
14. **Barinova V.A., Zemtsov S.P.** Inclusive Growth and Regional Resilience in Russia. *Region: Economics and Sociology*. 2019;1(101):23-46. (In Russ.)
15. **Sevastianova A.Ie., Tokarev A.N., Shmat V.V.** Application Features of Inclusive Development Concept in Resource Regions. *Region: Economics and Sociology*. 2017;1(93):213-236. (In Russ.)

About the author

Gennadii O. Kuranov - Cand. Sci. (Econ.), Honoured Economist of the Russian Federation; Leading Expert, Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 10, Presnenskaya Emb., Bldg. 2, Moscow, 125039, Russia. E-mail: kuranov@economy.gov.ru.